

УДК 172.1+304.44

И. А. Симонова

Уральский государственный педагогический университет

ГРАЖДАНСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: ОТ АНАЛИЗА КОНЦЕПЦИИ К ОЦЕНКЕ И КОРРЕКЦИИ СИТУАЦИИ¹

Посвящается социально-философской концептуализации феномена гражданской субъектности, выработке и проверке теоретических оснований, способствующих дальнейшей операционализации данного понятия. В том числе представлена уточненная модель гражданской субъектности, на основании которой систематизировано понятийное поле исследования. Продемонстрированы результаты апробации предложенной теоретической модели на уровне эмпирического исследования (интервью), проведенного в августе-октябре 2017 г. в г. Екатеринбурге. На основании полученных качественных данных зафиксированы доминирующие проблемы состояния гражданской субъектности опрошенных, определены соответствующие векторы преобразования в области работы с такой молодежью, что демонстрирует прикладные возможности предложенных теоретических установок.

Гражданская субъектность, молодежь России, модель гражданской субъектности, гражданская компетентность, гражданская активность, коммуникация

Потенциал гражданского общества становится актуальной проблемой в условиях, когда деятельность официальных государственных и общественных институтов оказывается недостаточной для решения значимых социальных, экономических и политических задач [1, с. 95]. Опыт развитых государств показывает, что на сегодняшний день участие населения в общественных процессах является необходимым шагом к их улучшению и повышению качества жизни в стране. И если в начале второго десятилетия XXI в. уровень участия россиян в общественной и политической жизни был невысоким [2], то в 2017 г. ситуация начала меняться. Граждане поддерживают как традиционные практики социального и политического участия (митинги, деятельность общественных организаций, НКО), так и включаются в общественно-значимые краудсорсинговые и краудфандинговые проекты, организуют важные экологические и необычные социальные инициативы. Также, по отметкам экспертов, в третьем квартале 2017 г. количество политических, социально-экономических и трудовых протестов выросло почти на две трети по сравнению с началом года. Так, в первом квартале было зафиксировано 284 протестные акции, во втором 378, а в третьем 445. Об этом говорится в докладе Центра экономических и политических реформ (ЦЭПР) «Протестная активность россиян в III квартале 2017 г.» [3]. Важнейшая тенденция, зафиксированная в 2017 г., – рост именно молодежной активности. К примеру, на так называемой «Прогулке», прошедшей в марте 2017 г. было зафиксировано большое ко-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 16-33-01057 «Социальный серфинг: форсайт гражданской субъектности российской молодежи».

личество протестующих старшеклассников и студентов младших курсов [4]. Несмотря на то, что некоторые исследователи ставят под вопрос небывалый рост молодежного участия в протестах (такое мнение, например, высказал К. Бигбов из «НИИ митингов») [5], все эксперты отмечают, повышение общего интереса молодежи к общественным, политическим вопросам, а также рост разнообразия форм и способов их гражданского участия [6]. В 2018 г. данная тенденция сохранялась, молодые россияне продолжали активно участвовать в общественных мероприятиях, интересоваться политикой и общественной жизнью [7]. Эта ситуация актуализирует интерес к детальному изучению гражданских качеств молодежи, вектора развития соответствующей активности, поскольку понимание актуального состояния позволяет обществу и государству своевременно выстраивать эффективный диалог с молодыми, грамотно реализовывать богатый потенциал новых поколений и, наконец, делать адекватный прогноз развития гражданственности в России.

Вместе с тем на сегодняшний день существует ряд обстоятельств, затрудняющих как такого рода исследования, так и качественное применение их результатов. Во-первых, отметим общий диффузный характер понятийного поля и методологическую неразбериху в вопросах изучения гражданских особенностей молодежи. Во-вторых, установилась практическая ориентация официальных структур на рассмотрение гражданских особенностей молодежи сугубо через призму институциональных механизмов участия, в результате чего происходит демонизация прочих форм. В-третьих, научное понимание особенностей молодежи недостаточно влияет на видение ее в системе общественных отношений, и, как следствие, наблюдается определенный разрыв между официальными механизмами поддержки гражданских инициатив и реальными практиками молодых россиян.

Постановка задачи. Представленный далее материал предполагает преодоление указанных негативных трендов в области исследовательской, а на этой основе и практической работы с гражданственностью молодежи через конкретизацию концепта «гражданская субъектность» и его дальнейшую апробацию для оценки актуальной ситуации и выработки рекомендаций по коррекции текущего положения. Таким образом, статья посвящена концептуализации феномена гражданской субъектности посредством социально-философского анализа, конкретизации самого понятия в соответствующем понятийном поле, демонстрации результатов применения предложенной теоретической модели в ходе эмпирического исследования (интервью), проведенного в августе-октябре 2017 г. в г. Екатеринбурге, в результате которого были зафиксированы доминирующие проблемы и определены основные векторы преобразования работы с молодежью в данной области. Полученные теоретические наработки представляют собой основу для дальнейшей операционализации понятия «гражданская субъектность».

Ход исследования и результаты. Прежде всего следует учитывать, что на сегодняшний день в терминологическом поле исследования гражданского общества и, в частности, в тематических молодежных исследованиях, существует множество родственных понятий, границы которых не всегда строго очерчены и которые нередко используются синонимично. Понятийная диффузия говорит о необходимости четко определить границы упомянутых терминов для избегания дальнейшей путаницы, прежде всего в практической работе со стоящими за ними феноменами.

Следует отдельно отметить, что зарубежное и отечественное терминологические поля несимметричны, и применение иностранных наработок как на уровне исследования, так и на

практическом уровне имеет свои ограничения. Основные различия здесь заключаются не столько в том, что на первый план у нас и за рубежом выведены разные «комплекты» понятий, сколько в проблеме, вокруг которой сфокусированы различия между ними. Огромное значение для западных авторов имеет то, кто именно является инициатором, контролером и «хозяином» процесса взаимодействия: государство, общество, сообщество или гражданин, а следовательно, значимым оказывается вопрос, кто задает правила этого взаимодействия. Так, дискуссии возникают уже на уровне использования прилагательных «civic» и «civil», где первое может подразумевать правительственную (государственную) регуляцию, а второе – сугубо волевое, а значит, свободное действие граждан [8]. Часто используются и серьезному обсуждению подвергаются различия между такими, на первый взгляд близкими понятиями, как «Civic/ Citizen engagement», «Civic/ Citizen participation», и «Civic/ Citizen involvement», которые можно было бы перевести на русский синонимично как «гражданское участие», однако, здесь также важную роль может играть инициатор деятельности и, соответственно, формальный или неформальный ее характер [9]. При этом, поскольку различие остается дискуссионным вопросом, нередко дефиниции носят диффузный характер. Например, приведем следующее определение: «Civic engagement is a process in which people take collective action to address issues of public concern. It includes effects by people *to participate* in the public decisions that affect their lives, and by civic agencies to *involve* people in their proceedings» [10] (курсив мой. – И. С.). Обзор материалов за последние 15 лет показывает, сосредоточенность содержания понятийного поля на деятельностной компоненте: как правило, речь идет о конкретных гражданских активностях (civic activity), причем особое внимание уделяется анализу институциональной принадлежности деятельности как в рамках школьных, религиозных, общинных и других объединений [11], так и в контексте вовлеченности в общественные и политические процессы на базе неинституциональных «рассеянных» форм организации коммуникации (сетей, роев, множеств) [12], [13]. Таким образом, внимание уделено включенности в сеть отношений, в коммуникацию. Хотя в исследованиях отмечается, что институциональные и вне институциональные активности – это два разных мира, которые функционируют по своим законам [14], признается их высокая эффективность и значимость функционирования в самых разнообразных формах. Причем, в случае с молодежью, именно низовые, внеинституциональные формы активности становятся достойной альтернативой традиционным формам участия и показывают высокую гражданскую культуру молодых в развитых странах [15]. На практике это ведет к расширению спектра программ вовлечения молодого населения, которые могут быть инициированы как низами, так и верхами.

В России же ситуация складывается иначе как на уровне методологии, так и на практике. Очевидно, сложившиеся теоретико-методологические подходы в значительной степени обусловлены актуальными особенностями практической ситуации, что заставляет исследователей сконцентрироваться теперь на анализе именно российской теории, так как это поможет лучше понять практики работы с молодежью и выделить проблемы, существующие в этой сфере.

Исходя из анализа дефиниций, предложенных в современной российской литературе, проблематизирующих молодежь как участника гражданского общества, можно выделить две укрупненных группы понятий. Первая направлена на определение индивидуальных качеств личности, которые должны быть присущи гражданину, в то время как вторая группа сконцентрирована вокруг факта реализации человеком некоторых действий гражданского характера (табл. 1).

Ориентация на гражданские качества личности	Ориентация на гражданскую деятельность человека
<p>Гражданская позиция – это «совокупность внутренних общечеловеческих <i>ценностей</i> личности, приобретенных ею в процессе социализации и помогающих ей самостоятельно принимать решения по выполнению гражданского долга, активно <i>участвовать в общественно-политической жизни</i>. Основными <i>ценностными</i> ориентирами при этом выступают патриотизм и <i>гражданственность личности</i>» [16].</p> <p>Гражданская компетентность – «многоуровневое интегративное и постоянно развивающееся качество личности, которое объединяет в себе правовые и гражданские знания, умения и навыки, формирующие гражданские <i>ценности и гражданскую позицию</i>, необходимые для успешной <i>самореализации</i> в общественной жизни демократического общества» [17, с. 37].</p> <p>Гражданская идентичность – «лояльность населения государству, которая достигается через оформление <i>отношений, прав и обязательств</i> между властью и гражданином, эмоциональную привязанность к стране, включает в себя отождествление с гражданами страны, подкрепленную политической и общественной самоорганизацией» [18, с. 113].</p> <p>Гражданственность – это качество, присущее членам гражданского сообщества, самостоятельно осуществляющим свое будущее и несущим <i>ответственность</i> за сделанный выбор [19, с. 62].</p>	<p>Гражданское мировосприятие – «это система видения мира, своей страны, на основе которой строится отношение человека к миру, к самому себе и другим людям» [16, с. 56].</p> <p>Гражданское участие – это «...<i>участие</i> общества ... в процессе принятия властных решений (политическом процессе) на всех стадиях управленческого процесса» [20, с. 219].</p> <p>Гражданская активность – это «результат свободного выбора и индивидуальной <i>инициативы</i>, направленного обретения своего общественного статуса через <i>решение общих задач, реализацию значимых целей</i> в условиях <i>сплочивания</i> и мотивации общества» [21, с. 14].</p> <p>Гражданская инициатива – это социально-политическая <i>активность</i> граждан, массовое их <i>участие в общественной жизни</i>, создание гражданами <i>добровольных объединений, неформальных организаций, союзов, клубов</i> по интересам, обществ, в том числе потребительских обществ для защиты и отстаивания своих интересов [22, с. 99].</p>

Изучение состояния понятийного репертуара и контент-анализ наиболее характерных дефиниций показывают, что понятия внутри обеих групп нередко определяются «зеркально», одно через другое, таким образом «ускользая» от точного разграничения, и для раскрытия их содержания используются сходные формулировки. Это не просто не дает возможности корректного определения терминологической структуры, но и затрудняет установление практической связи стоящих за терминами явлений. Более того, обнаруживается тенденция определения гражданских качеств прежде всего как индивидуальных, личностных характеристик, формирующихся на будущее, как бы «на случай включения» в гражданскую деятельность. При этом сама гражданская деятельность также представлена как результат волюнтаристского импульса, где «правильный» гражданин формирует активный взгляд на общество и начинает принимать участие в его работе. Социальный контекст тут также практически упущен из виду. Такое расслоение демонстрирует некоторую методологическую недоработанность способов описания молодежи как участника гражданского общества, поскольку на уровне теории социальные качества человека индивидуализированы, переведены в сферу его автономных характеристик и оказываются искусственно отделены от того, как и в каком социальном контексте и коммуникативных условиях они экстернализируются в общественной жизни (что, конечно, не верно), в то время как речь идет о тех качествах, которые могут быть поняты и описаны только в системе коммуникации, во взаимодействии человека с другими. Остается неясной, упущенной из виду, и роль официальных институтов, которые должны откликаться на такую низовую активность, строить такие отношения.

На этом фоне наметился и разрыв между практическими подходами к развитию гражданского общества: работа с личностными качествами молодых людей реализуется, как правило, на уровне знаниевой подготовки (обзор документов и концепций, патриотическое воспитание, дискуссионные клубы и пр.) и проходит отдельно от процессов со всем многообразием его

участников, где в реальности только и могут и должны реализовываться эти качества. В итоге сегодня множество работ посвящено проблемам гражданского воспитания, где говорится о том, каким *потенциально* должен быть хороший гражданин, но мало внимания при этом уделено выработке механизмов включения молодых граждан в процессы реального функционирования общества и государства. Речь идет как о вертикальных, так и горизонтальных формах, институциональных и низовых инициативах. Отметим, что важность указанного включения официально постулируется в базовых нормативных документах [23], однако на практике гражданская деятельность в молодежной среде только начинает набирать обороты, носит стихийный, «подпольный», «кустарный» характер и разворачивается вдалеке от институций, которые, казалось бы, созданы для этой молодежи и поддержки ее активности. Такие институты не востребованы в среде молодежи, поскольку мало знакомы ей, не пользуются ее доверием, не учитывают реальных особенностей своего потенциального контингента, потому по факту они не выполняют сегодня своих функций. Молодежь хорошо воспитана и знает правила поведения «хорошего» гражданина, но далеко не всегда умеет их применить: как и в теоретической модели ее гражданские качества латентны, они пока «спят».

Таким образом, мы имеем ситуацию, когда методологическая путаница становится прямым отражением практических проблем. Безусловно, нельзя всецело винить несовершенство языка описания в несовершенстве описываемой действительности, однако для нас принципиально, что они в данном случае взаимоопределены, и на пути к позитивным переменам в общественной практике должно прибегать к корректным методологическим установкам, позволяющим проводить адекватный анализ и на его основе принимать правильные управленческие решения.

На взгляд автора, достаточно продуктивным способом преодоления обозначенной проблемы как на теоретическом, так и на практическом уровне может быть применение идеи гражданской субъектности молодежи. Понятие «гражданская субъектность» стоит как бы особняком и реже используется в тематической литературе во многом из-за двойственности, лежащей в его основе. Однако именно она и является привлекательной в данном случае. Субъектность (от лат. *Subjectum* – подлежащее) определяется как «свойство индивида быть субъектом активности» [24, с. 215]. Уже здесь можно усмотреть связку «качество – деятельность – коммуникация». По мысли Н. С. Шепочкина, «с одной стороны, субъектность как свойство личности, присуще не всем индивидам (более того, субъектность может носить уровневый характер: высокий, средний, низкий уровни субъектности), а с другой стороны, это качество проявляется в личности при ее социальном действии и социальном взаимодействии» [24, с. 216]. Анализируя это понятие, авторы Т. А. Ольховая и Н. А. Гаврилова отмечают, что субъектность представляет собой «целостную аксиологическую характеристику личности, раскрывающуюся в продуктивности деятельности..., выражает отношение человека к себе как деятелю, преобразователю, творцу не только своей жизни, но и развития общества в целом» [25], и, хотя авторы определяют субъектность прежде всего как *качество личности*, они концентрируются при этом на преобразующей *функции* личности и связывают это «... с признанием своей активности, сознательности, свободы выбора и ответственности за него» [25, с. 257]. То есть исследователи отмечают деятельностьную составляющую субъектности, отмечая, что «чем выше уровень субъектности, тем больше уровень инициативы, мотивации активности и, как результат, – большая включенность в процессы, происходящие в обществе» [25]. В другой, более ранней работе, Ольховая также отмечает, что «...понятие “субъектность” объясняет “равноположенность” категорий личности, государства и общества в современном политологическом и государственно-правовом дискурсе и выступает категорией, описываю-

щей качество и свойство личности, способное инициировать и поддерживать процессы, направленные на развитие социальной системы» [26].

В зарубежных исследованиях не принято разделять понятия «субъектность» и «субъективность», как это делается в русскоязычном сегменте, и речь всегда идет о «civil subjectivity», отражающей направленность личности на общественные вопросы. Так, отмечается, что «...чтобы быть уравнивающей, гражданская субъектность должна выходить за границы несоизмеримости индивидуальных жизненных историй. Она должна быть непременно социальной» [27, с. 14]. По мысли Девида Левина, субъектность не может существовать как отдельное эмоциональное образование, она всегда существует, оживленная социальным или нормативным порядком, однако чтобы быть субъектным, надо конфигурировать физическую реальность, жить креативной жизнью [28, с. 97]. И здесь можно усмотреть серьезную проблему – определение основания гражданской субъектности: конституировано ли ее развитие этосом, спонтанными внутренними силами личности или же дело в определяющем влиянии институтов гражданственности с ее «командной» моралью и системой правовых категорий? Джейсон Франк обращается к анализу этой проблемы в контексте исследования феномена политического и религиозного энтузиазма. Неправильно обосновывать идею гражданской субъектности опираясь на идеи гипериндивидуализма и расцвета «имперского Я», она оказывается некоторым хрупким следствием социального и политического порядка, а не его почвой. Вместе с тем, обращаясь к анализу представлений докантовских моральных сентименталистов, которые показывают, что губительными для субъектности нередко оказываются эмоциональные, спонтанные, неосознанные составляющие общественной жизни, исследователь отмечает, что при этом именно встреча с ними оказывается важной основой для формирования гражданской субъектности. Опираясь на работы Шефтесбери (Shaftesbury) и ряда других авторов, он говорит, что гражданская субъектность имеет сложную коммуникативную и симпатическую природу [29]. Для нас все это означает, что гражданская субъектность может и должна пониматься не просто как некоторый качественный этап/результат/состояние развития личности, но и как некоторое социальное ее положение, соположенность, отношение с другими, самая непосредственная вовлеченность в общественную практику, где человек не просто «плывет по течению», но сознательно инициирует порядок событий и выбирает стратегию функционирования в построении со-бытия, ориентируясь на некоторые представления об общественном благе, идеальных формах социального порядка. Несмотря на отсутствие строгих определений в западной литературе, исследователи нередко обращаются к вопросу о сущности гражданской субъектности. Опираясь на западные и отечественные исследования, попробуем далее сформулировать функциональное определение понятия для исследуемого феномена.

Гражданская субъектность молодежи – это практика включенности молодых в сети общественно-политических отношений, реализуемая в воплощении ими системы сформированных установок и реализации выбранной стратегии совместного построения и конструктивного обживания общественного пространства на основании потребностей, разделяемых с референтной группой при помощи релевантной ей системы инструментов. Важной составляющей гражданской субъектности, таким образом, является не просто наличие у молодежи теоретических установок (целей, системы ценностей, плана реализации), но владение ими системой конкретных инструментов, которыми они не просто *готовы* воспользоваться, но уже *практикуют* их использование. Так, субъектность предполагает не потенциальное, гипотетическое участие в общественных процессах, но реальную включенность в систему общественно-политических отношений, и включенность не одностороннюю. Либо молодой человек субъектен, а значит, так или иначе пробует себя в отношениях с другими в деле кон-

струирования общественного пространства, либо он этого не делает, а значит нельзя говорить о его субъектности. Это простое, на первый взгляд, но важное установление позволяет избежать серьезной ошибки, которую можно шутливо обозначить фразой из мультфильма «Зеркальце» (1967 г.), где один из героев, заяц, говорит, что очень любит конфеты, но только он их никогда не ел. Невозможно серьезно говорить о каких-либо гражданских качествах молодежи, когда они ни разу не нашли практического применения, они в таком случае остаются абстракцией. Так, Щепочкин основными элементами субъектности считает ценности, активность и опыт [24]. Те же Ольховая и Гаврилова отмечают: «От наличия гражданского опыта как субъектного зависит степень участия молодежи в политической жизни, стремление и способность взаимодействовать с другими людьми с целью улучшения собственной жизни и общества, способность к анализу собственных возможностей в вопросах решения личных, общественных и государственных проблем» [25].

Итак, мы установили, что гражданская субъектность молодежи должна быть понята через включенность ее в систему гражданских отношений. Это заключение позволяет, наконец, увидеть молодежь в системе общественных связей в качестве одного или нескольких полноправных коммуникантов. Общество, которое представляет собой сложную сеть коммуникаций, плотность, содержание, а главное – баланс сил в которой не являются постоянными, но, напротив, подвержены продолжающемуся взаимному регулированию, во многом обуславливает интенсивность включений многообразных субъектов коммуникации, определяя уровень их совокупного развития. Рассматривая общество в виде эволюционирующей сложной динамической системы, состоящей из политико-экономических отношений, И. В. Красавин отмечает, что «коммуникация заранее смоделирована социальными позициями, которые в реальном времени обусловлены тем, как их носители управляют своим настоящим и будущим» [30, с. 77]. Исследователь отмечает, что система коммуникации всегда подвержена переменной динамике, и хотя учет интересов коммуникантов (общностей различного характера) является неотъемлемой частью функционирования системы в ее открытой версии, то, насколько интересы субъекта коммуникации будут учтены, зависит от его коммуникативных возможностей. И лишь если стейкхолдер оказывается в состоянии заявить о себе, реализовать себя, может быть достигнут некий социальный компромисс, который важен как для интересов самого коммуникативного субъекта, так и для нормального развития общества в целом. Рост активности коммуникации, его открытость, поддерживаемая открытостью других участников, усиливает позиции сообщества, позволяет ему развиваться, обеспечивает предпосылки для развития [31, с. 77–83]. Замкнутость участников коммуникации, напротив, ослабляет сообщества, не давая развиться их потенциалу. Таким образом, проблемы гражданственности молодежи должны решаться не на уровне оценки и критики ее гражданских качеств, а в области построения системы коммуникации с молодыми гражданами, в ходе функционирования которой только и могут появиться и проявиться гражданские возможности молодых. На сегодняшний день именно отсутствие нормальных коммуникативных каналов заставляет молодежь закрываться и в своей деятельности уходить «в подполье». Незнание и отсутствие площадок для применения инструментов общественного влияния существенно ослабляет потенциальные возможности этой группы для дальнейшего развития государства.

В свете указанных положений представляется возможным уточнить предложенную нами ранее модель, ориентируясь на выполненный анализ актуального понятийного поля, систематизация которого представляется необходимой и при этом возможной мерой в деле исследования и развития гражданского общества как пространства молодежной практики. Это возможно бла-

годаря продемонстрированной ранее сущностной сложности концепции гражданской субъектности, которую попробуем представить в виде совокупности следующих элементов:

1. *Идентификация с общностью и ее интересами.* В процессе коммуникации происходит соизмерение с другими, самоопределение человека, формируется гражданская идентичность, обусловленная в своем содержании особенностями референтных групп, и на уровне связей внутри сообщества, а также в русле полученного опыта широкого взаимодействия за пределами «домашних» общностей возникает гражданская позиция. Высокая гражданская субъектность предполагает активную гражданскую позицию – понимание необходимости участия в общественно-политической жизни государства, что очень важно на современном этапе развития России [31, с. 161].

2. *Целеполагание.* Поскольку субъектный человек не может относиться к миру как данности, он видит социальное пространство как некий проект, в котором ему есть что изменить. Гражданское мировосприятие здесь как раз и разворачивается как взгляд на общество и государство как поле деятельности и невозможность не включаться в него в разнообразных формах гражданской активности.

3. *Методологический комплекс* предполагает наличие у субъекта сформированной стратегии, ценностных директив, включает владение комбинацией эффективных инструментов, а также знание каналов коммуникации, которые показали свою эффективность и заслужили доверие в процессе опытного использования. Речь по сути идет о гражданской компетентности. Категория доверия, а значит и качества среды, имеет здесь огромное значение, поскольку любой инструмент, не прошедший проверку, исключается из эксплуатации и уже не станет формой гражданской инициативы.

4. *Готовность к деятельности* выражена прежде всего в способности деятельно подойти к актуальной ситуации, инициировать активность, выступая источником, задающим логику события и обуславливающим формы его протекания.

5. *Ответственность* как заявление прав на общественное устройство и признание обязанностей, ориентация на то, что за высказыванием последует отклик, на который вновь придется дать свой ответ. Гражданственность, понятая здесь как ответственное включение в систему общественных отношений, тогда не только качество, но коммуникативная позиция.

Составляющие гражданской субъектности, их конкретные содержания не зависят только от самого субъекта и его индивидуальности как некоторой доминирующей константы, но связаны с феноменом открытости коммуникативной системы общества, готовности не только спускать сверху универсальные формы деятельности и общения, но и слушать, получать информацию, принимать установки акторов и меняться под действием инициатив, что позволяет всем участникам процесса находиться в состоянии развития.

Как видно, использование концепции гражданской субъектности на уровне теории оказывается довольно эффективным и позволяет систематизировать понятийное поле исследования гражданского общества, а также конкретизировать и размежевать ряд наиболее значимых его понятий. Как показал обзор литературы, многие авторы находят удобным использование этого понятия в таком ключе, однако целостных попыток пока не предпринималось. На практике идея гражданской субъектности заставляет исследователей держаться между качественными и процессуальными аспектами жизни молодежи, что не позволяет полученным результатам сместиться в сторону абсолютизации личных качеств молодежи или диктатуры общественного пространства. Это дает возможность учета личностных, инструментальных и позиционных аспектов молодежной ситуации. Этот же эффект может быть достигнут и в процессе дальнейшего совершенствования программ по работе с молодежью.

Уже приведенные теоретические положения и уточненная модель были положены в основу пилотажного исследования, выполненного нами в августе-октябре 2017 г. в Екатеринбурге. Результаты позволяют подчеркнуть и проиллюстрировать выявленные негативные тренды, а также сформулировать ряд рекомендаций по оптимизации практики работы с молодежью. В качестве основного метода сбора данных было применено полустандартизированное интервью. Интервью были индивидуальными и носили характер беседы. Всем респондентам было задано 47 вопросов, длительность составляла в среднем 2 часа, ответы фиксировались на диктофон. Участниками стали 17 человек (юноши и девушки в возрасте от 13 до 31 года, учащиеся и работающие), поиск и отбор респондентов производился по системе рекомендаций, что позволило добиться высокой степени доверия к интервьюеру. Все респонденты являются активными участниками различных молодежных сообществ (спорт, танцы, субкультуры) не менее чем на протяжении двух лет. Вопросы были сформулированы на основании предложенной организаторами модели гражданской субъектности молодежи. Всего можно выделить пять групп вопросов, соответствующих приведенной структуре гражданской субъектности. Анализ полученных данных в соотношении с выработанной теоретической моделью и сопутствующими установками, приведенными ранее, позволил сделать вывод как о состоянии гражданской субъектности представителей ряда групп молодежи Екатеринбурга, так и о тех условиях, которые созданы для ее развития в современной России.

1. Вопросы, направленные на определение уровня развития гражданской идентичности и вектора сформированности гражданской позиции (понимание сущности гражданского общества, его связь с государством, информация по референтным группам, точкам самоидентификации, ключевым ценностям, общественным идеалам, патриотическим, протестным настроениям, критериям оценки общественных деяний и пр.).

Все опрошенные отметили, что гражданское общество основывается на активных гражданах, готовых реализовывать свои права и обязанности. При этом многие считают, что государство сегодня может даже мешать гражданину в этом или просто не предлагает таких условий. Однако все респонденты идентифицируют себя как граждане России, патриотично настроены, наряду с проблемами видят множество положительных черт. Большинство строго не идентифицируют себя со своими сообществами, не смотря на весь перечень признаков принадлежности, который также продемонстрирован ими в интервью. При этом респонденты не стремятся идентифицировать себя с обществом вообще, отмечают расхождение установок с общественными, хотя все в качестве критериев блага обозначили именно учет интересов всех членов общества, консолидацию и коммуникативность.

2. Вопросы о направлениях включенности в процессы социальных изменений, целях реализуемой гражданской активности (какие личные цели и цели референтных групп постулируются, как они соотносятся с идеями об идеальном/реальном обществе/ государстве, как именно и в каких активностях реализуются).

Озвученные цели носили позитивный, общественно релевантный характер, представляются опрошенным как реальные и достижимые. Локальные цели, связанные с потребностями деятельности сообществ, посылно реализуются силами активных представителей, и поддержки со стороны никто не ждет. Опрошенные оказались весьма активны, имеют опыт реализации самых разных гражданских инициатив, однако речь чаще всего идет о локальных практиках, коррелирующих с интересами сообществ.

3. Вопросы на выявление имеющихся стратегий деятельности и компетентность в использовании инструментов гражданского участия (какие инструменты и маршруты решения общественно важных проблем известны, какие считаются эффективными/ неэффективными).

Уровень компетентности в вопросах методов и механизмов гражданского участия оказался невысоким, перечень знакомых позиций скромнен. Имеющиеся пути не вызывают доверия у опрошенных. Официальные институции, согласно отзывам, не знают ничего о молодежи, чужды ее интересам, не могут оказать необходимую помощь или дать ориентацию. Наиболее эффективной признается стратегия локального воздействия силами малых групп единомышленников «в тени».

4. Вопросы о фактической включенности в практику гражданского участия (вопросы об опыте гражданского участия, оценка эффективности доступных механизмов участия, представления о востребованности такого участия).

Все участники интервью имеют опыт участия в активностях гражданского характера. Большинство отмечает неэффективность официальных механизмов, имея негативный опыт их использования. Отмечалось, что потребности молодежи, их цели и, главное, возможности неинтересны государству, говорилось, что молодежь неинтересна и обществу, ориентированному на традиционные ценности и опытных представителей социума. При этом потенциал и желание принимать участие в активностях у молодежи респонденты оценили высоко.

5. Вопросы о субъектах ответственности (оценка перспектив гражданского участия молодежи, необходимости собственного участия, определение других возможных участников и их ролей).

Все интервьюируемые отметили важность участия молодежи в жизни общества и государства, перспективность такого участия. По мнению респондентов, необходимо эффективно построить коммуникацию со всеми субъектами общества, где каждый может и должен участвовать. Молодежи принадлежит будущее, компетентные ее представители могут и должны решать проблемы, в которых они разбираются. Государству же необходимо «слышать» молодежь.

Обсуждение результатов и выводы. Таким образом, оценка гражданской субъектности опрошенных на основании предложенной нами модели позволяет сделать вывод, что такие компоненты как идентификация с общностью (референтными группами, городом, страной) и их интересами (вопросы первой группы), готовность к деятельности (четвертая группа), ответственность (пятая группа), целеполагание (вопросы второй группы) оказываются достаточно хорошо развиты, а методологический комплекс (третья группа вопросов) сформирован в меньшей степени. Проблему составляет сама технология гражданского участия молодежи, недостаточное развитие и внедрение соответствующих механизмов, позволяющих ей эффективно включаться в общественную жизнь, причем включаться на основании самостоятельных ходов. Проблема, очевидно, заключена не только в информированности о репертуаре таких способов. Плохо развита система коммуникации с молодыми, возникла ситуация недоверия и отчужденности, что сказывается и на подходах к самоидентификации. Внимания заслуживают практики работы «молодежных» ведомств.

На основании полученных результатов можно констатировать существование ряда проблем, которые, к сожалению, не являются уникальными для Екатеринбурга, но характерны для России в целом. Опираясь на приведенную в работе концепцию гражданской субъектности, можно говорить о необходимости пересмотра подходов работы и взаимодействия с молодежью, направленных на усиление методологической компоненты. Важно повышать компетентность молодежи в части путей гражданского участия, причем информировать необходимо не только о механизмах общения с разного рода институциями, но и о современных способах самоорганизации. Можно вести такую работу на уровне средних и высших учебных заведений. На западе потребность в подобных программах также весьма велика, и они успешно реализуются, и приносят свои плоды как на уровне привлечения

молодежи к традиционным партисипативным практикам, так и к активностям нового типа [32]. Также необходимо показать, что внеинституциональные формы гражданской активности (низовые инициативы, деятельность неформальных сообществ, частные проекты) нужны обществу и интересны государству. Необходимо демаргинализовать их, выводить «из тени». Уже на уровне анализа первичных результатов очевидна потребность в интенсификации коммуникаций между обществом и «разной» молодежью, причем логика построения каналов и выбор инструментов коммуникации не должны быть монополией официальных структур, это должен быть конвенциональный процесс, учитывающий потребности и особенности молодежи. Особенно подчеркнем необходимость использования как можно большего разнообразия способов коммуникации, обеспечения эффективных механизмов обратной связи. Уровень развития информационных технологий позволяет сегодня использовать их для налаживания каналов обмена информацией – результатами деятельности, запросами на поддержку, полученным опытом, советами и пр.

Следует сконцентрироваться на особенностях современной молодежи, прежде всего выявить потребности и потенциал различных ее типов. На сегодняшний день молодежь представляет собой полиморфное явление, которое нельзя «привести к единому знаменателю». Молодые очень отличаются друг от друга, поддерживают огромное количество разнообразных практик, живут разными интересами и все время меняются. Это означает, что они обладают разными потребностями и неоднозначным потенциалом. При исследовании форм, механизмов, содержания необходимо не просто выявить общую тенденцию, ориентироваться на единую модель гражданской субъектности, но описать возможное практическое ее наполнение с учетом наиболее значимых трендов жизни молодежи. У различных сообществ, солидарностей, групп содержательное наполнение гражданской субъектности будет разным, поэтому и способы ее развития, поддержания, учета должны быть специфическими.

Еще одно важнейшее направление – повышение уровня взаимного доверия молодежи и общества. Так, «...доверие, выступая в качестве неотъемлемого элемента социальных интеракций, является важным фактором, определяющим уровень и особенность социальной активности, в том числе и на государственном уровне. Ряд авторов склонны считать, что именно особенности доверия в межличностных отношениях, отношениях между личностью и государственными (а также общественными) институтами определяют особенности социальной активности...» Кроме того, отмечается, что уровень социального доверия среди молодежи в качестве фактора социальной активности может быть охарактеризован в большей степени как доверие в малых социальных группах, а не в общественных и государственных учреждениях, т. е. просматривается некоторый уровень отчужденности молодежи от формальных институтов [33]. Доверие к официальным механизмам может быть обеспечено только через демонстрацию их эффективности, следовательно, необходимо не только обеспечить их нормальное функционирование, но широко освещать успешный опыт.

Подводя итоги, отметим, что только современный коммуникационный подход, учет всех элементов сложнейшей сети отношений, образующих современное общество, даст положительный эффект в работе с молодыми гражданами. Проблемы гражданственности молодежи не в личности молодого человека, но и в опыте, условиях, контекстах ее функционирования и развития. Если ориентироваться на такую установку, это станет основой включения молодежи в общественные процессы в качестве одного из полноправных субъектов, способных на многое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нарыкова С. П. Правовое государство и гражданское общество: мифы и проблемы (к вопросу о гражданском обществе) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 6. С. 35–38.
2. Политическое участие // Левада-центр. 01.04.2010. URL: <https://www.levada.ru/2010/06/24/problema-obshhestvenno-politicheskogo-uchastiya/> (дата обращения: 12.06.2018).
3. В Кремле назвали «естественным» рост числа протестных акций // РБК. 07.11.2017. URL: <http://www.rbc.ru/politics/07/11/2017/5a018fb29a7947faa7b87549> (дата обращения: 01.12.2018).
4. Гранина Н. Зачем прессовать подростков? // Лента.ру. 05.07.2017. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/04/05/miting/> (дата обращения: 27.11.2018).
5. Чеповская А., Гранина Н. Движуха, которой раньше не было // Лента.ру. 28.03.2017. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/03/28/protest/> (дата обращения: 25.11.2018).
6. Омельченко Е. Что представляют собой современные молодежные субкультуры? // Центр молодежных исследований. 22.05.2017. URL: <https://spb.hse.ru/news/206149626.html> (дата обращения: 15.11.2018).
7. Волков Д. Чем российская молодежь отличается от своих родителей // Ведомости. 2018. 5 дек. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/12/05/788410-rossiiskaya-molodezh> (дата обращения: 10.01.2019).
8. Demarco L. The difference between civil and civic // Keynote speech to DTA Conference. 16.06.2008. URL: <https://sencot.net/the-difference-between-civil-and-civic/> (дата обращения: 01.12.2018).
9. Garrigues Ju. What is the Difference between Citizen Engagement and Participation? URL: <https://www.citizenlab.co/blog/civic-engagement/what-is-the-difference-between-citizen-engagement-and-participation/> (дата обращения: 01.05.2018).
10. Boyte H. C. Everyday Politics Reconnecting Citizens and Public Life / Univ. of Pennsylvania Press, 2005.
11. Ludden A. B. Engagement in school and community civic activities among rural adolescents // J. Youth Adolesc. 2011. No 40 (9): 1254–1270. DOI: 10.1007/s10964-010-9536-3.
12. Thacker E. Networks, Swarms, Multitudes // Communication Theory. 18.05.2004. URL: <http://www.ctheory.net/articles.aspx?id=422> (дата обращения: 01.05.2018).
13. Thacker E. Networks, Swarms, Multitudes // Communication Theory. 18.05.2004. URL: <http://www.ctheory.net/articles.aspx?id=423> (дата обращения: 01.05.2018).
14. Busse B., Hashem-Wangler A., Tholen J. Two Worlds of Participation: Young People and Politics in Germany // The Sociological Rev. 2015. Vol. 63, iss. 2. P. 118–140.
15. Sloam J. New Voice, Less Equal. The Civic and Political Engagement of Young People in the United States and Europe // Comparative Political Studies (CPS). 2014. Vol. 47, iss. 5. P. 663–688.
16. Егоров И. В. Гражданское мировосприятие и мировоззрение личности: сходство, различия, диагностика // Ежегодник научно-методологического семинара «Проблемы психолого-педагогической антропологии»: сб. науч. ст. / отв. ред. И. В. Егоров, Л. Б. Филонов. СПб.: НИЦ АРТ. 2015. № 5. С. 54–62.
17. Алексеев В. Н. Гражданская компетентность – социально востребованное качество образования // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. 2013. Т. 4. С. 36–39.
18. Шикова Р. Ю. Гражданская общероссийская идентичность (социологический аспект) // Вестник АдыгГУ. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 1. С. 111–116.
19. Соловьев А. Культура гражданственности. К новой парадигме // Свободная мысль. 1992. № 7. С. 61–71.
20. Горный М. Б. Некоммерческие организации как субъекты гражданского участия // Публичная политика в современной России: субъекты и институты: сб. ст. / отв. ред. и сост. Н. Ю. Беляева. М.: ТЕИС, 2006. С. 219–230.

21. Акимова М. К. Интеллект и гражданская активность студентов: образование как фактор их формирования // Обучение и развитие: современная теория и практика: материалы XVI Международ. чтений памяти Л. С. Выготского. М.: Левъ, 2015. С. 14–26.
22. Макаренко А. С. Гражданская инициатива как фактор развития гражданского общества // Система ценностей современного общества. 2014. № 35. С. 97–101.
23. Основы государственной молодежной политики на период до 2025 г. Правительство РФ. М., 2014. URL: <https://rg.ru/2014/12/08/molodej-site-dok.html> (дата обращения: 01.12.2018).
24. Щепочкин Н. С. Активная гражданская позиция молодежи как фактор становления ее субъектности // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 3. С. 213–220.
25. Ольховая Т. А., Гаврилова Н. А. Субъектность как основа становления гражданской позиции студентов университета // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 2. С. 257–266.
26. Ольховая Т. А. Становление субъектности студента университета: дис. ... д-ра пед. наук / ОренбГУ. Оренбург, 2006.
27. Clarke O. E. *Virtuous Vice: Homoeroticism and the Public Sphere*. Durham: Duke University Press, 2000.
28. Levine D. P. *The Capacity for Civic Engagement: Public and Private Worlds of the Self*. Palgrave Macmillan, 2011.
29. Frank J. «Besides Our Selves»: An Essay on Enthusiastic Politics and Civil Subjectivity // *Public Culture*. 2005. Vol. 17, iss. 3. P. 371–392. DOI: 10.1215/08992363-17-3-371.
30. Красавин И. В. Политическая экономия социальной системы: связи, отношения, организация // *Полития*. 2017. № 1 (84). С. 72–93.
31. Алексеева А. В. Гражданская субъектность в России: опыт и проблемы формирования // *Теория и практика общественного развития*. 2010. № 4. С. 161–164.
32. Fahmy E. *Young Citizens. Young People's Involvement in Politics and Decision Making*. London: Routledge, 2006.
33. Social Activity of Youth in Social and Cultural Measurement / D. Yeshpanova, G. Narbekova, N. Biyekenova, J. Kuchinskaya, O. Mukanova // *Procedia, Social and Behavioral Sciences*. 2014. № 140. P. 109–144.

I. A. Simonova
Ural State Pedagogical University

CIVIL SUBJECTIVITY OF YOUTH: FROM CONCEPTUAL ANALYSIS TO ASSESSING AND IMPROVING THE SITUATION

The article is devoted to social and philosophical analysis of civil subjectivity phenomenon. It focuses on forming and revising theoretical basis that encourages further operationalization of the concept of "civil subjectivity". The refined model of civil subjectivity, on which basis the conceptual field of research is systematized, is presented. The results of applying the proposed theoretical model are demonstrated. This model was employed in the course of empirical research (interview) conducted in August-October 2017 in Yekaterinburg. Based on the qualitative data received, major challenges of civil subjectivity of the respondents are described, and the main vectors of transformation in the field of work with youth are determined. The results show practical use of the concepts proposed.

Civil subjectivity, the youth of Russia, model of civil subjectivity, civic competence, civic engagement, communication